

ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ

Глава I

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ

Иногда в провинции встречаешь жилища, с виду мрачные и унылые, как древние монастыри, как дикие грустные развалины, как сухие, бесплодные, обнаженные степи; заглянув под крыши этих жилищ, и в самом деле часто найдешь жизнь вялую, скучную, напоминающую своим однообразием и тишину монастырскую, и скуку обнаженных, диких степей, и прах развалин. Право, проходя возле дверей такого дома, невольно сочтешь его необитаемым; но скоро, однако ж, разуверишься: подождав немного, непременно увидишь сухую, мрачную фигуру хозяина, привлеченного к окну шумом шагов на улице.

Такой мрачный вид уныния, казалось, был отличительным признаком одного дома в городе Сомюре¹. Дом стоял на конце улицы, неровной, кривой, ведущей к старинному замку; улица эта, почти всегда пустая и молчаливая, замечательна звонкостью неровной булыжной мостовой, всегда сухой и чистой, теснотой и угрюмым видом домов, прилежащих к старому городу, над которым возвышаются древние, полуразвалившиеся укрепления.

Дома крепки и прочны, хотя большей частью выстроены из дерева, и некоторые существуют уже около трех веков. Странная архитектура придает городу вид древности и оригинальности и обращает на себя внимание художника и антиквария. Например, невольно бросаются в глаза огромные толстые доски, прорезанные хитрой, причудливой резьбой и заменяющие карнизы над нижними этажами домов. Потом — концы брусьев поперечных стен, покрытые аспидным камнем; они рисуются синими полосами на

---

¹ Сомюр — небольшой город в западной Франции на реке Луаре; центр сельскохозяйственного района, богатого виноградниками.

фасаде строения с высокой, острой кровлей, полусгнившей от действия солнца и дождя и погнувшейся под тяжестью годов. Далее — подоконники, старые, ветхие, почерневшие от времени и со сгладившейся резьбой; вот так и смотришь, что они тотчас рухнут под тяжестью какого-нибудь цветочного горшка, выставленного на окне бедной, трудолюбивой мастерицы. Непременно остановят внимание ваше эти массивные двери, обитые тяжелыми гвоздями, испещренные иероглифами и надписями. Смысл надписей различен: здесь она дышит протестантским фанатизмом, там читаешь проклятье лигера Генриху IV¹; какой-нибудь горожанин вырезал отличия своего *колокольного дворянства*, славу своего позабытого городского старшинства; словом, найдете все — историю, летописи, предания. Возле бедного оштукатуренного домика, отделанного стругом и топором незатейливого плотника, возвышаются палаты дворянина; на дверях еще заметны остатки гербов и девизов, разбитых и изломанных в революцию, взволновавшую край в 1789 году².

Нижние этажи домов купеческих не похожи ни на лавки, ни на магазины; любители Средних веков полюбуются лишь старинными мастерскими наших предков, древностью простой и наивной. Эти низкие помещения мрачны, глубоки, без украшений ни снаружи, ни внутри, без окон, без стекол. Дверь половинчатая, толстая, обита железом; одна половинка неподвижна, другая, с прикрепленным к ней колокольчиком, целый день скрипит, звонит, в движении. Свет и воздух проходят в сырой подвал или сверху, или через отверстие, начинающееся от самого свода или потолка.

¹ Когда во Франции появились протестанты, главным образом на торгово-промышленном юге феодальная партия образовала против них католическую Лигу. Главою протестантов стал король небольшого Наваррского королевства — Генрих. В возникшей гражданской войне протестанты под его командованием нанесли Лиге крупные поражения. Естественно, что члены Лиги ненавидели и проклинали его. После смерти французского короля Генриха III (1589), Генрих перешел из политических соображений в католичество и стал королем Франции под именем Генриха IV.

² В 1789 году началась французская буржуазная революция; уничтожив старый феодальный строй, она установила буржуазно-капиталистический строй и привела к власти крупную буржуазию. В июле 1830 года произошла вторая революция, когда крупная буржуазия руками рабочих и ремесленников свергла феодально-дворянскую реакцию (Реставрация) и посадила на трон своего ставленника — короля Людовика-Филиппа.

В нем утверждаются по ночам ставни, которые закрепляются толстыми железными полосами; днем ставни снимаются, и вместо них раскладываются товары. Товары налицо, обмана нет. Выставленные образчики состоят из двух или трех кадок с соленой треской, из нескольких кусков парусины, веревок, листов латуни, подвешенных к потолочным балкам, обручей, расставленных вдоль стены, и половинок сукна на полках. Войдете — девушка, опрятно одетая, хорошенькая, молоденькая, в белой косыночке, с пухленькими красными ручками, оставляет свое рукоделие, встает, зовет отца или мать. Кто-нибудь из них входит и отмеривает вам товару или на два су, или на двадцать тысяч франков; купец-флегматик услужлив или горд, смотря по своему обыкновению.

Вы встречаете купца, промышляющего тесом, у дверей его дома. Ему, кажется, нечего делать, и вот он уже целый час болтает с соседом. Заглянете в его лавку: в ней валяется несколько обручей и куча бочарных досок; но на пристани магазина его станет на всех бочаров анжуйских¹. По урожаю винограда он рассчитывает барыш и товар до последней доски. Солнце светит — он богач, дождь — он разорен. Часто в одно утро цена на бочки возвышается вдруг до одиннадцати франков или спадает до шести ливров за штуку. Здесь, как и в Турени², погода — все в торговле. Виноградчики, помещики, продавцы леса, бочары, трактирщики — у всех одна тоска, одна забота: погода. Ложась спать, боятся ночного мороза. Проклинают дождь, ветер, засуху или молят о дожде, о засухе; вечная борьба природы с расчетами человеческими. Барометр сводит с ума или веселит весь город и разглаживает морщины на самых угрюмых лицах.

— Золотое время, — говорит сосед соседу на старой сомюрской улице, — ни облачка!

— Червонцами задождит, — отвечает сосед, рассчитывая барыш по лучу солнечному.

Летом в субботу, часов в десять вечера, ни в какой лавке вам не продадут ни на су товару. У каждого купца есть какой-нибудь клочок землицы, виноградник или хоть какой-нибудь огород, и хозяин едет дня на два погостить за городом. Обделав дела свои

¹ Анжу — название прежней провинции, в которой находился Сомюр.

² Турень — прежняя провинция, соседняя с Анжу (на восток), тоже на реке Луаре.

в городе, покупки, продажу, сладив барыш, купец покоен и выгадывает из двенадцати почти десять часов на удовольствия, на пересуды, на толки и на подсматривание за соседом. Хозяйка купит куропатку, кумушки осведомляются у хозяина, хорошо ли ее приготовили. Беда девушке, некстати взглянувшей в окошко: ее оговорят, засмеют, пересудят, осудят. Все налицо, каждый дом к услугам соседей, и уж как ни огораживайся и ни запирайся, а из дому успеют вовремя вынести сор.

Здесь живут не под кровлей, а на чистом воздухе: каждое семейство располагается у дверей своего дома, завтракает, обедает, спорит, ссорится. Всякий прохожий замечен. Еще со старых времен умели в провинциальных городках осмеять и оговорить иностранца, но об этом долго рассказывать. Скажу только, что от этого-то и окрестили в *болтливых* жителей Анжера¹, особенно отличавшихся сплетнями и пересудами.

Палаты дворян, *отели*, некогда ими обитаемые, расположены в старом городе. Дом, мрачный и угрюмый, куда сейчас перенесем мы читателей, был из числа этих древних зданий, остаток старых дел, памятник старого времени, времени простого и незатейливого, от которого давно уже мы отреклись и отступились.

Пройдя с вами по дороге, так богатой воспоминаниями, навевающими и грусть, и думу о прошедшем, я укажу вам на это мрачное углубление, посреди которого притаились ворота *дома господина Гранде*.

Но мы не поймем всего значения, всего смысла фразы: *дом господина Гранде*. Нужно познакомиться сначала с самим господином Гранде.

Кто не жывал в провинции, тому трудно будет объяснить себе мнение и мысли сомюрских жителей насчет г-на Гранде. Этот господин (есть еще в Сомюре люди, которые запросто говорят о нем: «старик Гранде, папа Гранде», но они давно уже заметно начали переводиться), так этот-то г-н Гранде в 1789 году был не более чем простой бочар; дела его шли не худо, он умел писать, читать и считать.

Когда Французская Республика объявила о продаже монастырских имений, Гранде, которому было тогда уже лет под сорок, женился на дочери богатого купца, торговавшего лесом. Соединив

---

¹ Анжер — главный город департамента, где находится Сомюр.

свой капитал с приданным жены своей и достав, сверх того, две тысячи луидоров, он положил свои деньги в карман и явился в казначейство округа. Там, сунув суровому санкюлоту¹, наблюдавшему за продажей народного имущества, золотую взятку в двести луидоров, занятых у тестя, законно и справедливо вступил он во владение лучшими плантациями округа, старым аббатством² и сколькими-то фермами и арендами.

Сомюрские жители любили тишину и не любили революции. Между тем Гранде прослыл смелым, отважным республиканцем, патриотом, человеком, понимавшим новое время и новые идеи, тогда как он только и мыслил о торговле да о виноградниках. Его сделали членом Управления Сомюрского округа, и Гранде удалось оставить впечатление миротворца и в управлении, и в торговле.

В первом отношении он покровительствовал блаженной памяти дворянам и всеми силами старался замедлить и даже уничтожить продажу земель эмигрантов. Что касается до торговли, то ему удалось сделать превыгодный оборот поставкой в армию до двух тысяч бочек белого вина. В уплату он выговорил себе прекрасные луга, принадлежавшие женскому монастырю, хотя правительство берегло эти луга и определило продавать их последними.

Наступила эпоха Консульства³. Почтенный, уважаемый Гранде был сделан мэром; судил хорошо, торговал еще лучше. Во времена Империи⁴ Гранде стали называть *господином Гранде*. Наполеон не любил республиканцев, а так как Гранде считался во время оно

---

¹ Санкюлоты (*фр.* sans-culottes — «без кюлот») — название революционно настроенных представителей низших сословий в Париже во время Великой Французской революции. В XVIII в. во Франции мужчины из богатых сословий носили кюлоты (то есть короткие обтягивающие штаны чуть ниже колен) с чулками, а бедняки и ремесленники носили длинные брюки.

² Аббатство-монастырь. Здесь речь идет о самом здании монастыря, приобретенном г-ном Гранде во время распродажи национализированных революцией владений и земель эмигрантов и церкви.

³ Консульство — так называется период после французской буржуазной революции (1799—1804), когда крупная буржуазия, испуганная диктатурой городской мелкой буржуазии и активностью революционного плебейства, выдвинула военную диктатуру Наполеона Бонапарта; первоначально он назывался консулом и управлял совместно с двумя другими консулами, почти не имевшими значения.

⁴ Империя — период, когда Наполеон после четырех лет консульства провозгласил себя императором и стал самодержавным государем (с 1804 по 1814 г.).

санкюлотом, то он сменил его, назначив на его место богатого помещика, человека с надеждами, будущего барона Империи. Г-н Гранде без сожаления сложил с себя атрибуты власти гражданской. В правление свое, ради казенной выгоды, наделал он прекрасных дорог из города в свои поместья, дом и земли его были весьма выгодно кадастрированы, платить налоги приходилось ему самые умеренные. Его огороды и виноградники благодаря неусыпным попечениям стали в первом разряде по достоинству и служили образцами для других хозяев. Чего же более? Оставалось разве попросить орден Почетного легиона¹.

Все это было в 1806 году; Гранде было тогда пятьдесят семь лет, жене его — около тридцати шести. Их единственная дочь, плод законного супружества, была лет десяти.

В этом году судьба, вероятно хотевшая утешить его в неудачах политических, доставила ему одно за другим три наследства. Сначала после матери г-жи Гранде, урожденной Бертельер, потом от старика, дедушки г-жи Гранде, и, наконец, от г-жи Жантилье, его бабушки по матери. Никто не знал цены этим трем наследствам. Покойные, все трое, были так скупы, что держали в сундуках мертвые капиталы и втайне наслаждались своими сокровищами. Старик Бертельер не хотел ни за что пустить в оборот свои деньги, называл все обороты мотовством, расточительностью и находил более выгоды в созерцании сокровищ своих, нежели отдавая их на проценты.

В Сомюре рассчитывали наследство *по солнцу*, то есть по ежегодному доходу с виноградников.

Теперь Гранде, вопреки всевозможным идеям о равенстве, озолотив себя, стал выше всех и сделался важным лицом в своем городе. У него было сто десятин земли под виноградниками; в хорошие годы получал он с них от семисот до восьмисот бочек вина; тринадцать ферм, старое аббатство и более ста двадцати семи десятин земли под лугами, на которых росли три тысячи тополей, посаженных в 1793 году; наконец, дом, в котором он жил, был его собственный. Это было на виду. Что же касается до капиталов, то в целом Сомюре было всего два человека, которые могли что-нибудь знать об этом; то были г-н Крюшо, нотариус, ходок по де-

---

¹ Французская революция отменила прежние королевские ордена и знаки отличия. Наполеон установил новый знак отличия за военные и гражданские заслуги — орден Почетного легиона.